

VI. Столетие побед и иллюзий

**Преемники Петра:
смотрим на Запад,
двигаемся на Восток**

Богатое событиями и “викториями” царствование Петра I расширило пределы России вовсе не в столь значительной степени, как почему-то принято считать. На Востоке Россия лишь немного углубилась в пределы земель Джунгарии, основав в 1720 году Усть-Каменогорск, однако в 1727 году уступила Китаю по Буринскому трактату значительно большие земли на северо-востоке Монголии, через которые русские купцы наладили было выгодную торговлю с местными племенами. Черноморский форпост Азов, триумфально обретенный в 1696 году, вместе с возведенным неподалеку Таганрогом, Россия была вынуждена вернуть Турции в 1711 году после неудачи Прутского похода – когда окруженная превосходящими силами противника русская армия во главе с самим Петром оказалась перед выбором: капитулировать или быть уничтоженной, и лишь негласно переданные в стан турецкого визиря драгоценности находившейся в походе вместе с царем его гражданской жены Марты Скавронской⁴⁴, будущей императрицы Екатерины I, позволили завершить кампанию достойным перемирием. Неудачей закончилась военно-дипломатическая экспедиция в Хиву, предпринятая в 1717 году с целью установить сюзеренитет над среднеазиатскими государствами: практически все ее участники во главе с князем А.Бековичем-Черкасским были захвачены в плен и зверски умерщвлены по распоряжению хивинского хана. Единственными реально присоединенными в годы правления Петра I территориями оказались южное побережье Финского залива, Карельский перешеек с Выборгом, земли современных Эстонии и Латвии, а также взятые в ходе Персидского похода земли на западном и южном побережье Каспийского моря с нынешними Дербентом, Баку и Ленкоранью, а также североиранские провинции Гилян, Мазандеран и Астрабад. И хотя появление у страны трех первоклассных морских портов в Санкт-Петербурге, Ревеле и Риге могло дать значительно больший эффект, чем обладание дополнительными квадратными верстами болотистых северо-западных равнин, в условиях практически не развивавшихся в Центральной и Северо-Западной России промышленности и

---

⁴⁴Царь Петр обвенчался с Мартой, крещенной Екатериной Алексеевной, лишь двумя годами спустя, в 1712 г.

торговли оно имело в основном военно-политическое значение. Значительно более результативным в экономическом плане стали территориальные приобретения на Каспии, сделанные во время Персидского похода Петра в 1722–1723 гг. Для русских купцов, за прошедшее столетие огромными трудами и жертвами добившихся доминирования в торговом обороте этого региона, дополнительное расширение пределов государственного влияния на прикаспийских землях давало вполне реальные и осязаемые преимущества⁴⁵. Кроме того, в петровские годы Петра были официально включены в состав российского государства Курильские острова (1711 г.), и в свой путь отправилась знаменитая Первая Камчатская экспедиция В.Беринга.

В годы правления наследовавших русский престол Екатерины I Алексеевны (1725–1727 гг.) и Петра II Алексеевича (1727–1730 гг.) существенных территориальных приобретений, если не считать зафиксированного Кяхтинским договором с Китаем уже упоминавшегося присоединения к России Хакасии и Бурятии и уступки части земель еще не завоеванной Джунгарии, не происходило. Годы правления Анны Иоанновны (1730–1740) были отмечены ухудшением отношений с рядом кочевых племен, которые в результате ослабления Джунгарии активизировали набеги на южные рубежи России в Заволжье, Предуралье и Сибири⁴⁶. Ответом стало строительство оборонительных линий Ишимской (Курган–Омск), Закамской и Оренбургской. Одновременно с этими

---

⁴⁵В отличие от противостояния с Турцией и Северной войны, Персидский поход Петра был мотивирован не гипотетическими, а реальными интересами русской торговли – поводом к войне стало разорение персами русского купеческого каравана с товарами стоимостью свыше 500 тыс. рублей. Кроме того, благодаря открытию в 1709 году Вышневолоцкого канала, связавшего Волго-Каспийский бассейн с Балтикой, Россия обрела приоритет в поставках в Европу иранского шелка, реализации которого препятствовало османское влияние в Персии. *Персидский поход стал первым военным предприятием Российской империи*, провозглашенной в 1721 году, и именно он оказался наиболее успешным из всех военных предприятий первого российского императора.

⁴⁶Важную роль в росте этой враждебности сыграла массовая миграция казанских, сибирских и астраханских татар-мусульман в приграничное Предуралье. Дело в том, что в годы правления Петра I государство активно поддерживало процесс обращения иноверцев в христианство: их земли отписывались государю, новокрещенным на три года предоставлялись налоговые льготы при том, что для татар-мусульман поборы не уменьшались.

Тем не менее следует отметить, что жупел “христианизации татар и башкир” подняли националистически настроенные лидеры этих народов, опасавшиеся ослабления собственного влияния. Столкнувшись с подобной реакцией, в конце XVII века русское правительство было даже вынуждено специально заявить, что никакого указа о “насильственном крещении” иноверцев в природе не существует. Да и в последующем процесс “обращения” не был насильственным, основываясь на сравнительно небольших экономических привилегиях.

событиями, в 1731 г. в состав России принимается одно из племенных объединений казахов (“сибирских киргизов”) – Младший жуз, а в 1732–1734 гг. Средний и Старший жузы. В 1733 году Анна Иоанновна подписывает Указ о проведении почтового тракта от Москвы до Иркутска по уже защищенным южным рубежам (если раньше к Красноярску приходилось добираться через Пермь или Вятку, по рекам Тоболу – Иртышу – Оби – Кети и далее вверх по Енисею, то по новому тракту императорский фельдъегерь, меняя лошадей на почтовых станциях, расположенных не более чем в 25 верстах одна от другой, мог домчаться от Москвы до Красноярска уже за 25–30 дней). В эти же годы закрепляется сюзеренитет России над исповедующими буддизм ойратскими племенами, ранее в XVII веке перекочевавшими в нижнее Поволжье из исламской Джунгарии и ставшими именовать себя “калмыками” (т.е. “отпавшими”). Под влиянием результатов Первой Камчатской экспедиции В.Беринга в 1731 году основывается первый русский порт на Тихом океане – Охотск. В 1733 году снаряжается Вторая Камчатская (или Великая Северная) экспедиция, которая исследует северное побережье несколькими отрядами – от устья Северной Двины до Оби (лейтенант Малыгин), по Енисею до Таймыра (лейтенант Прончищев), побережье между Яной и Индигиркой (Лассетус) и, наконец, северное побережье Чукотки (лейтенант Лаптев)⁴⁷. Сам командор Беринг, выступив из Петербурга в 1733 году, из-за сильно затянувшегося процесса строительства двух кораблей⁴⁸ смог отплыть из Охотска лишь в сентябре 1740 года. В октябре корабли Беринга “Святой Петр” и “Святой Павел” расположились на зимовку на берегу Авачинской бухты, основав здесь очередной восточный форпост России – порт Петропавловск-

---

⁴⁷Вторая Камчатская (Великая Северная) экспедиция, по сути, повторно открывала побережье Ледовитого океана. Продвижение шло медленно, с огромными трудностями. Так, отряд под командой Муравьева и Павлова за два года не смог пройти 800 километров давно освоенного поморами побережья от Белого моря до устья Оби, отряд лейтенанта Овцына потратил целых три года (1735–1737) на сплавление по Оби к ее устью, отряд Лассетуса в полном составе погиб там, где сто лет назад, в 1636 году успешно собирал ясак с местных племен землепроходец Елисей Юрьев. Не смог вернуться на Большую Землю и сам Витус Беринг. Как будто бы сама удача, столь благоволившая первым русским землепроходцам, стала менее благосклонной к их потомкам!

⁴⁸Факт строительства двух крупных четырнадцатипушечных двухмачтовых бригов длиной 24.4 м, шириной 6.7 м, водоизмещением более 200 тонн при экипаже в 75 человек в совершенно не обустроенном Охотске, связанном с Якутском, ближайшим русским городом, лишь горной вьючной тропой, не может не впечатлять. Все металлические детали, паруса, орудия, ядра, судовая утварь должны были доставляться сюда, как минимум, с рубежей западного Урала.

Камчатский. В течение следующего 1741 года экспедиция Беринга откроет Алеутские и Командорские острова, где, на одном из них, в декабре 1741 года, Беринг обретет свой последний земной приют. Завершится эта многотрудная и поистине великая экспедиция лишь после возвращения в Санкт-Петербург последних оставшихся в живых отрядов Чирикова и Уесселя в 1746 году, или через 13 лет после ее начала.

Любопытно, что в октябре 1737 году, когда Беринг еще продолжал строительство кораблей, из Охотска на Камчатку на небольшом паруснике “Фортуна” отбыла экспедиция во главе с выпускником московской Славяно-греко-латинской академии и Петербургского академического университета Степаном Крашенинниковым, в течение четырех лет всесторонне исследовавшая полуостров. Вернувшись домой, С.Крашенинников стал автором одной из лучших фундаментальных работ в истории мировой географии – “Описание земли Камчатки”.

Возобновление борьбы в Причерноморье и на Балтике

В 1735 году правительство Анны Иоанновны открыло четвертую по историческому счету войну России с Турцией за обладание выходом к Черному морю. Готовясь к этой войне, Россия заключила союз с Персией (Рештский договор 1732 года), предусмотрительно уступив ей ранее завоеванные Петром I североиранские провинции. Затем, уже перед самым началом войны с Турцией, Персии дополнительно были возвращены Баку с Дербентом, а в 1736 году, по причине вторжения в Дагестан войск воевавшего на стороне Турции против Персии крымского хана, русские войска ушли на север, за Терек. Форпостом России на этом направлении на долгие годы стала Кизлярская крепость, ранее считавшаяся глубоким тылом.

В 1736 году русские войска сравнительно легко овладели Азовом (фельдмаршал Петр Ласси) и вторглись в Крым (фельдмаршал Бургард Миних), взяв его столицу Бахчисарай, – однако, опасаясь удара турецкой армии с направления Очакова, вскоре покинули полуостров. На тот момент потери русской армии от болезней, нехватки воды и провианта в выжженной солнцем крымской степи существенно превышали боевые. Следующий 1737 год ознаменовался походом войск Миниха на Очаков. Пройдя через подожженную турками причерноморскую степь и имея провианта не

более чем на 8–дневную осаду, русские войска буквально с марша, без разведки, устремились на штурм турецкой крепости. Но, остановленные глубоким рвом и не имея возможности выбраться оттуда, штурмовые отряды попали под убийственный огонь неприятеля. Миних считал дело проигранным и, в смятении, уже был готов дать приказ к отходу, если бы великолепная работа русских артиллеристов, сумевших точным и интенсивным огнем вызвать в крепости сильнейшие пожары, не вынудила турок открыть для отхода в сторону моря одни из городских ворот. Через них-то в город и ворвалась русская конница, заставив гарнизон Очакова капитулировать. В том же 1737 году фельдмаршал Ласси предпринял повторное вторжение в Крым, нанеся крымскому хану ряд чувствительных поражений. В 1738 году военные действия не принесли удач двум русским армиям – в отсутствие серьезных боестолкновений, в условиях постоянных партизанских набегов турецко-татарских отрядов, разразившейся эпидемии чумы и трудностей со снабжением большая часть отвоеванных земель, включая Очаков (за исключением одного лишь Азова), была оставлена. Наступивший вслед 1739 год мог также закончиться плачевно. Долго маневрировавшая в западной Молдавии и Подолии армия Миниха, оставившая к тому же на правом берегу Днестра основные силы для сдерживания турецкой группировки, в конечном итоге столкнулась с мощной, в полтора раза превосходящей ее по численности, соединенной армией Гуссейна и Вели-паши. Миниху оставалось либо уходить за Днестр, либо впервые за всю войну дать генеральное сражение. Такое сражение состоялось при Ставучанах, и именно оно решило исход войны. Отрадив удары турецких войск и перейдя в контрнаступление на правом фланге, русские войска смогли ворваться в лагерь Вели-паши, тем самым дезорганизовав и обратив турок, к тому времени успевших понести лишь минимальные – не более 1 тысячи человек – потери, в беспорядочное бегство. После разгрома при Ставучанах турецкая армия спешно отступила за Дунай.

Тем не менее, несмотря на более чем реальные успехи в последний год четвертой русско-турецкой войны, череда внешних неблагоприятных событий, таких, как переход на сторону Турции еще вчера союзной Австрии и угроза новой войны со Швецией, вынудила Россию заключить с Турцией быстрый и небогатый мир. Российская империя твердо приобрела лишь Запорожье и Азов – да и то без права иметь в них укрепления и содержать флот. Кроме

того, на Северном Кавказе Турция признала нейтралитет Кабарды в качестве буферной территории между двумя государствами.

В последующие годы расширение границ России велось достаточно спонтанно, в основном в соответствии с конъюнктурными возможностями, предоставляемыми коллизиями в отношениях между европейскими странами. В 1741 году по инициативе жаждущей реванша Швеции началась очередная русско-шведская война, в которой русская армия и флот последовательно нанесли шведам три серьезных поражения под Вилманстрандом, Гельсингфорсом и в морском сражении близ острова Карпо. В 1743 году Швеция была вынуждена подтвердить условия заключенного при Петре I Ништадтского мира и уступить России территорию юго-восточной Финляндии. В двадцатилетнее правление Елизаветы Петровны (1741–1761 гг.) основное внимание уделяется именно европейскому направлению. Заключаются союзы с Англией и Австрией, рвутся дипломатические отношения с Францией (1748 г.) и с Пруссией (1750 г.), затем, наоборот, Россия присоединяется к союзу против Пруссии и Англии вместе с Францией и Австрией (1756 г.). В 1758 году участвующие в Семилетней войне на стороне франко-австрийского блока русские войска занимают Восточную Пруссию, территорию нынешней Калининградской области. В кафедральном соборе граждане Кёнигсберга приносят присягу императрице Елизавете Петровне, а молодой приват-доцент Иммануил Кант, воспользовавшись открывшейся на кафедре философии Кёнигсбергского университета вакансией, ходатайствует перед русской императрицей с предложением своей кандидатуры⁴⁹. Опираясь на плацдарм в Восточной Пруссии, русские войска продолжают продвижение на запад и в сентябре 1760 года возьмут Берлин. Восточная Пруссия находилась в составе Российской империи пять лет, вплоть до 1761 года, когда обожатель прусского короля Фридриха Великого инфантильный Петр III с извинениями не вернул ее.

---

⁴⁹Елизавета Петровна перепоручила решение вопроса о руководстве кафедрой философии губернатору города этническому немцу фон Корфу, который вместо И.Канта утвердил кандидатуру имевшего более продолжительный университетский стаж некоего фон Букка. Будущий великий философ, лишенный достойного дохода, был вынужден подрабатывать частными уроками и, по ряду источников, выступал с лекциями по физической географии, фортификации и пиротехнике перед офицерами русского гарнизона.

**Новый натиск на юг.
Семилетняя турецкая
война**

Воцарение Екатерины II (1762–1796 гг.) привело к упорядочению русской внешней политики и возвращению к ее традиционным в XVIII веке приоритетам: Югу и Северо–Западу. В

1764 году с Пруссией заключается союз (Петербургский союзный договор), развязывающий России руки в действиях одновременно против Турции и Швеции. В том же году Россия добивается возведения на польский престол своего ставленника, одного из фаворитов Екатерины Станислава Понятовского, на польскую территорию вводятся русские армейские части, оказывающие Понятовскому помощь в борьбе против оппозиции (конфедератов). В ходе одного из рейдов русские войска непреднамеренно вторгаются на турецкую территорию в районе Южного Буга, в ответ на что жаждущая реванша Турция в 1768 году объявляет России войну. В 1769 году на находящиеся в составе Российской империи украинские земли вторгается войско крымского хана Крым-Гирея. Уклонившись от столкновения с вышедшей навстречу армией генерала П.Румянцева, татары производят опустошение на обширной территории и уводят в плен свыше 2 тысяч российских подданных. Румянцев не решается вторгаться в Крым. Русские войска, в который уже раз, занимают Азов с Таганрогом и приступают к строительству кораблей Азовской флотилии. Действующая в Молдавии армия под командованием генерала А.Голицына в результате эффективных маневров и точечных ударов сковывает силы значительно превосходящей его по численности турецко-татарской группировки и в сентябре 1769 года занимает без боя оставленную неприятелем приднестровскую крепость Хотин.

Однако Екатерина II, ожидавшая от Голицына больших побед, смещает генерала и передает командование П.Панину. Направленный в поддержку Панину конный корпус генерала Штофельна осуществил, выражаясь современным языком, “зачистку” Молдавии от протурецки настроенных господарей, устранив тем самым угрозу партизанских вылазок и добившись того, что вся военная активность теперь перешла к маневрирующим армейским частям. Тем не менее первая половина 1770 года прошла в бесконечных маневрах и боестолкновениях малой и средней значимости. Исход кампании решила знаменитая битва при Кагуле, состоявшаяся 21 июля 1770 года. Турецкая армия численностью в 150 тысяч человек под началом Халиль-паши смогла неожиданно выдвинуться к группировке войск генерала П.Румянцева,

измотанной длительными переходами, эпидемией чумы и едва насчитывавшей 17 тысяч штыков. Позади Румянцева лежала выжженная степь, с направления которой, в случае отхода, удар была готова нанести 80-тысячная конная группировка крымского хана. Шансов на победу у Румянцева было куда меньше, чем у Петра I во время знаменитого Прутского похода, по всем канонам русская армия была обречена. Однако новаторское применение против недостаточно организованного турецкого войска активной наступательной тактики с заменой малоподвижного армейского каре на несколько мобильных и способных к атаке каре дивизионного уровня позволили войскам Румянцева твердо удерживать инициативу и в конечном счете определили исход сражения. В решающий момент Румянцев сам повел атаку на контратакующий 10-тысячный элитный корпус янычар. Грозные лишь в первом натиске, турки не смогли ничего противопоставить энергичным русским атакам. После того как попытка янычар захватить инициативу провалилась, турецкое войско начало разбежаться. В Кагульской битве потери русской армии составили 1.5 тысячи убитыми, потери турок – 20 тысяч. Окончательный разгром остатков армии Халиль-паши последовал 23 июля, когда авангард Румянцева обрушился на неприятеля у переправы через Дунай. А получивший за победу под Кагулом фельдмаршальский чин Петр Румянцев по праву вошел в когорту величайших русских полководцев.

В 1770 году был реализован дерзкий замысел по проникновению русского флота в Средиземное море с целью развертывания морской войны в тылу Османской империи. Под командованием Г.Спиридонова русская военная эскадра впервые покинула “внутренние воды” и, пройдя дооснащение и доукомплектование экипажей в союзной тогда Англии, через Гибралтар вошла в Средиземноморье. После стоянки в Италии командование эскадрой принял А.Орлов. Первый же десант, высадившийся при поддержке греческих добровольцев в марте 1770 года у Триполиса, был наголову разбит турками: добровольцы разбежались, а из 2 тысяч русских моряков в живых остались лишь четверо. Аналогичной неудачей закончилась и апрельская попытка Орлова укрепиться в южно-греческой крепости Наварин (ее штурмом командовал Иван Абрамович Ганнибал, сын арапа Петра Великого и двоюродный дед Пушкина). Зато бой в Чесменской бухте 26 июня 1770 года стал “турецким Перл-Харбором”: были сожжены или пленены практически все основные силы турецкого флота в составе 16 линейных кораблей, 6 фрегатов и 51 вспомогательных судов. После

победы при Чесме российский флот обрел господствующее положение в Эгейском море, в течение более чем двух месяцев держал блокаду Дарданелл, оказывал помощь антитурецкому восстанию в Египте, а в 1773 году даже помог взять власть в Сирии (Бейрут) местным арабским племенам, поспешившим в тот же день объявить о своем переходе в подданство России. Всего же за период семилетней войны с Турцией Россией было направлено в Средиземное море 5 эскадр с 17-тысячным десантным контингентом.

На северном сухопутном театре военные действия развивались следующим образом. После взятия в 1770 году войсками генерала Панина крепости Бендеры все пространство между Днестром и Прутом полностью перешло под русский контроль. Турецкая армия оказалась загнанной за Дунай и уже не могла оказывать реальной помощи Крымскому ханству. Поэтому кампания 1771 года сразу же началась со штурма Перекопа. После того как войска генерал-аншефа В.Долгорукова овладели этими воротами в Крым, крымский хан Селим-Гирей с целью сохранения собственной власти был вынужден отказаться от турецкого покровительства и признать сюзеренитет России. Но окончательной победой не могла считаться до подписания с Османской империей мирного договора, на который турецкое правительство, обнадеженное Австрией и Францией, отказывалось идти.

Активные военные действия возобновились в 1773 году. Этот год принес ряд побед русским корпусам под командованием фон Вейсмана (погиб в сражении при Кайнардже), В.Долгорукова и 43-летнего генерала А.Суворова, а также первую победу русского флота в Черном море – у местечка Балаклава на крымском побережье. Турки, располагая 4 кораблями, пытались высадить здесь десант, но были решительно атакованы 2 русскими патрульными кораблями под командованием капитана 2 ранга И.Г.Кингсбергена. В ходе упорного боя, который длился шесть часов, вражеские корабли получили тяжелые повреждения от огня русской артиллерии – несмотря на то, что число русских пушек на порядок было меньше турецких, – и были вынуждены отступить, не выполнив поставленной задачи. Месяцем позже 18-вымпельная турецкая эскадра близ местечка Суджук-Кале у Цемесской бухты атаковала отряд Кингсбергена из 6 кораблей, однако, вновь понеся неприемлемый ущерб от меткого артиллерийского огня, была вынуждена ретироваться.

Но решающие события этой растянувшейся на долгие семь лет войны наступили лишь в 1774 году. Соединенные корпуса под началом А.Суворова и М.Каменского численностью 25 тысяч человек возле болгарского городка Козлуджа дали генеральное сражение 40-тысячному турецкому войску под командованием Абдул-Резака. Победа оказалась быстрой и практически бескровной (русская армия потеряла 209 человек, турецкая – более 1.2 тысяч), сразу же после сражения войска Суворова окружили крепость Шумлу со ставкой Великого визиря, а в рейд через Балканский хребет отправился конный отряд бригадира И.А.Заборовского. Спустя буквально неделю Турция запросила мира, и 10 июля 1774 года в ставке русского командования в Кючук-Кайнарджи был заключен по-настоящему выгодный для России мирный договор. Согласно ему, Турция признавала независимость Крымского ханства⁵⁰, территория между Бугом и Днепром, часть азовского побережья и Керченский полуостров в Крыму отходили к России. Русские суда получали право свободного плавания по Черному морю и прохода в Средиземное море.

Необходимо отметить, что в ходе этой ставшей пятой по счету войны России с Турцией 1768–1774 гг. наша страна смогла расширить границы своего влияния и на Кавказе. В 1770 году, по просьбе грузинских царей Ираклия II (Кахетия) и Соломона I (Имеретия), русский экспедиционный корпус Г.фон Тотлебена, перейдя Большой Кавказский хребет, освободил от турок Кутаиси и обеспечивал русское военное присутствие до заключения мира с Турцией. Одним из условий Кючук-Кайнарджинского мирного договора стал отказ Турции от сбора дани с Имеретии при сохранении западной Грузии в составе Османской империи. А на европейском направлении – как бы мимоходом, на втором плане событий русско-турецкого противостояния, Россия приняла участие в разделах Польши, первоначально расширив свои западные рубежи до Витебска и Могилева (1772 год), а в последующем – до линии Друя – Пинск – Збруч, с Минском и Житомиром (1793 год), Литвы,

---

⁵⁰Несмотря на провозглашенную независимость Крыма, Турция *de facto* смогла сохранить в нем существенные рычаги влияния. В частности, подписывая мирный договор, русские дипломаты не могли предвидеть, что из-за отсутствия в шариате разделения духовного и гражданского судопроизводства крымские судьи-кадии продолжали назначаться турецким султаном. Кроме того, султан сохранял за собой право утверждения вновь избранного крымского хана. Несмотря на формальность данной оговорки, она позволила туркам первоначально утвердить в качестве властителя Крыма антироссийски настроенного Девлет-Гирея, тогда как после низложения последнего на утверждение приемлемой для России кандидатуры Шагин-Гирея ушло два года (1776–1777) [46]

Брест–Литовска и Волыни (1795 год), Белостокской области (1807) и Варшавского княжества (1815).

Закрепление на Кубани. Мирное вхождение Крыма в состав Империи

Под воздействием успехов России в борьбе с Османской империей и фактической ликвидации дееспособного Крымского ханства, в 1770 году из-под крымского в русское подданство переходят Едисанская и

Буджакская орды⁵¹, контролировавшие большую часть земель на территории современного Краснодарского края. Во избежании попыток Крыма вернуть покорность прежних вассалов (так, в 1773 году сюда вторглись войска Девлет-Гирея, отраженные казачьими полками Платова и Ларионова) в 1777 году сюда направляется корпус генерал-поручика А.Суворова. Менее чем за год на Кубани возводятся 5 крепостей и свыше 20 редутов, часть местных тюркских племен присягают русской императрице. В апреле 1783 года вся правобережная Кубань и Тамань официально включаются в состав России; тем не менее черноморское побережье современного Краснодарского края продолжает оставаться турецким. Готовясь к продолжению русского натиска, турки сооружают на побережье ряд укреплений, наиболее значительным из которых стала Анапская крепость, построенная в 1781–1782 гг. под руководством французских инженеров.

По окончании семилетней войны – наиболее продолжительной из всех русско-турецких войн – соперничество двух держав на юге переместилось в сферу контроля за Крымом. Непосредственная близость русских штыков сыграла свою роль, и в 1783 году последний из крымских ханов Шахин-Гирей отказался от власти, присоединив свое ханство к Российской империи. Но с окончательным переходом Крыма к России, помимо Турции, не были готовы смириться также Англия, Франция, Пруссия и Швеция. В воздухе веяло новой войной. Каждая из перечисленных европейских стран преследовала в грядущем русско-турецком конфликте свои интересы. Англия пыталась рассчитаться с

---

⁵¹Две части ранее единого государственного образования Улус Малые Ногаи (Казиев улус) – части когда-то единой и мощной Ногайской орды, занимавшей огромную территорию от Терека до Тамани. Во времена Ивана Грозного Ногайская орда считалась вассалом Московского царства. Однако в середине XVI века западные земли ногаев (Казиев улус) отложились к Крымскому ханству.

Екатериной II за Декларацию о вооруженном нейтралитете 1780 года⁵², Пруссия и союзная Турции Франция стремились ослабить российское влияние в Польше, Швеция планировала вернуть ранее отошедшие к России северо-западные земли. В новой войне Россию будет поддерживать только Австрия, ясно осознавшая неизбежность ухода Турции с Балкан и намеренная, таким образом, обеспечить там собственное утверждение.

Пятилетняя битва за Крым. Очаков, Измаил, Чесма.

Объявив в августе 1787 года войну России, турки попытались с ходу овладеть инициативой, с помощью десанта атаковав Кинбурнскую крепость, расположенную у входа в Днепровский лиман. Защищавший крепость гарнизон под командованием генерала А.Суворова, не имея достаточной численности даже для построения в одно дивизионное каре, отважился на атаку турецкого десанта развернутым строем. Дерзкое решение блестяще оправдало себя – турецкий десант был полностью разгромлен, и военные действия приостановились до следующей весны. Кампанию 1788 года открыли союзные России австрийцы, весной осадившие Хотин, но сумевшие взять его лишь в сентябре и только с помощью пришедшего на помощь корпуса Н.Салтыкова. А 6 декабря, после долгой осады и кровопролитного штурма, войсками Г.Потемкина вновь был взят Очаков⁵³. В том же году в районе черноморского острова Змеиный русский флот одержал свою первую победу в открытом море: небольшая, в составе лишь 2 линейных кораблей эскадра контр-адмирала Войновича атаковала шедшую в Очаков турецкую эскадру в составе 17 линейных кораблей. Решающую роль в том бою сыграл линейный

---

⁵²“Декларация о вооруженном нейтралитете” была разработана по инициативе руководителя Иностранной коллегии Никиты Панина и обнародована Екатериной II в феврале 1780 г. с целью воспрепятствовать практике по захвату русских торговых судов, направлявшихся в воюющие с метрополией Североамериканские штаты. Декларация провозглашала право нейтральных государств торговать с воюющими всеми товарами, за исключением оружия и боеприпасов. К Декларации о вооруженном нейтралитете быстро присоединились все ведущие страны континентальной Европы – Пруссия, Дания, Австрия, Франция, Испания и Португалия, этот документ стал одним из первых в системе кодификации международного морского права.

⁵³При штурме Очакова свое второе ранение – из виска в висок навывлет – получил будущий фельдмаршал М.Кутузов (первое – сквозное ранение левого виска в правый глаз – он получил при подавлении турецкого десанта в крымской Алуште, двумя неделями спустя (!) после подписания Кючук-Кайнарджинского мира). Согласно преданию, оперировавший под Очаковом Кутузова хирург Массот произнес: “Должно полагать, что судьба назначает Кутузова к чему-нибудь великому, ибо он остался жив после двух ран, смертельных по всем правилам науки медицинской”.

корабль "Святой Павел" под командованием Федора Ушакова, который вместо ожидаемого неприятелем абордажа открыл в упор убийственный артиллерийский огонь. Потеряв два линейных корабля и имея повреждения на флагмане, турки поспешили удалиться, в то время как на русской эскадре в этом сражении не оказалось ни одного убитого.

11 сентября 1789 года состоялось решающее сухопутное сражение этой войны – битва при Рымнике. Стремясь не допустить полноценного развертывания огромного 100-тысячного турецкого корпуса и скрытно подойдя к нему, в атаку двинулись силы генерал-аншефа Суворова (7 тысяч) и австрийский корпус принца Кобургского (18 тысяч). Сражение продолжалось двенадцать часов и закончилось полной победой русско-австрийских сил. Неприятельская сторона потеряла убитыми 20 тысяч, а 65 тысяч ее солдат и офицеров дезертировали. Урон союзников в сражении при Рымнике был менее 1 тысячи человек. После этой битвы Османская империя в значительной степени утратила инициативу, а Суворов, действовавший в составе армии фельдмаршала Потемкина, был удостоен титула графа Рымникского.

Наступивший 1790 год начался с вялотекущих боестолкновений. Турецкое командование попыталось добиться успеха на Кавказе. У Анапы десантировалась 40-тысячная армия Батал-паши, которая в сентябре была разбита корпусом генерал-аншефа И.Гудовича. Попытки турок высадить десанты в Крыму и восстановить господство на море были пресечены Черноморским флотом, где со своей излюбленной тактикой подавления эффективным артиллерийским огнем количественно превосходящих сил противника вновь отличился Ф.Ушаков.

Осенью 1790 года русская армия, к тому времени уже оставленная австрийскими союзниками из-за внутренних неурядиц в империи Габсбургов, встала перед необходимостью взятия Измаила – последней и наиболее мощной крепости на левом берегу Дуная, после 1774 г. перестроенной с помощью французских и прусских инженеров. Крепость защищал 35-тысячный турецкий гарнизон, в то время как осадившая ее русская армия насчитывала лишь 31 тысячу штыков. Не добившись под стенами Измаила ни малейшего успеха, фельдмаршал Г.Потемкин поручил осаду А.Суворову, “велел тому решить самому, брать крепость или отступить”. После длительной подготовки осадных приспособлений и обучения войск, 7 декабря Суворов отправил коменданту крепости предложение сдаться: "24 часа на размышление – воля. Первый мой выстрел – неволя. Штурм

– смерть". В ответ было надменно сообщено, что "скорее небо упадет на землю и Дунай потечет вспять, чем падет Измаил". Штурм Измаила достоин подробного описания, которое мы приводим по известной книге Н.Шефова [47].

"11 декабря 1790 г., после двухдневной артиллерийской подготовки, русские девятью колоннами штурмовали эту мощную крепость. Перед штурмом Суворов обратился к войскам со словами: "Храбрые воины! Приведите себе в сей день на память все наши победы и докажите, что ничто не может противиться силе оружия российского... Два раза осаждала Измаил русская армия и два раза отступала; нам остается в третий раз или победить, или умереть со славою".

Суворов решил штурмовать крепость во всех местах, в том числе и со стороны реки. Атака началась до рассвета, чтобы войска могли в темноте незамеченными преодолеть ров и атаковать вал... Первыми в 6 часов утра взобрались на вал егеря из 2-й колонны генерала Ласси. Следом гренадеры 1-й колонны генерала Львова овладели Хотинскими воротами и распахнули двери крепости для кавалерии. Наибольшие трудности выпали на долю 3-й колонны генерала Мекноба. Она штурмовала часть северного бастиона, где глубина рва и высота вала были так велики, что лестницы в 11 метров оказались коротки. Их пришлось под огнем связывать по две вместе. Тяжелый бой пришлось вести 6-й колонне генерала Михаила Кутузова. Она не могла прорваться сквозь плотный огонь и залегла. Этим воспользовались турки, которые перешли в контратаку. Тогда Суворов прислал Кутузову приказ о назначении его комендантом Измаила. Воодушевленный доверием генерал лично увлек пехоту в атаку и овладел измаильскими укреплениями. Пока войска штурмовали вал, десантные части под командованием генерала де-Рибаса высадились в городе с южной стороны.

С восходом солнца русские были уже на стенах и стали теснить турок во внутреннюю часть города. Там развернулись самые ожесточенные бои. Внутри Измаила находилось много каменных построек, каждая из которых представляла собой мини-крепость. Турки защищались отчаянно, постоянно контратакуя. Бои шли почти за каждый дом. Несколько тысяч лошадей, выскочивших из горящих конюшен, носились по улицам и увеличивали хаос. Для поддержки атакующих Суворов бросил в бой за город все резервы, а также 20 легких орудий, чтобы картечью очистить улицы от оборонявшихся. К двум часам дня русские, отбив несколько яростных контратак крупных турецких отрядов, пробились наконец в центр города. К 4 часам битва завершилась. Измаил пал.

Это была самая жестокая битва русско-турецкой войны. Потери русских составили 4 тыс. убитых и 6 тыс. раненых. Из 650 офицеров, пошедших на штурм, более половины были ранены или убиты. Турки потеряли 26 тыс. убитыми. Остальные 9 тыс. чел., включая раненых, попали в плен. Спасти удалось лишь одному человеку. Легко раненный, он упал в воду и переплыл Дунай на бревне. Русских хоронили за городом по церковному обряду. Турецких же трупов оказалось слишком много. Был дан приказ бросать их в Дунай, чтобы поскорей очистить город, в котором могли начаться эпидемии. Этим в течение 6 дней занимались команды пленных. В честь победы для офицеров-участников штурма был выпущен особый золотой крест "За отменную храбрость", а нижние чины получили специальную серебряную медаль с надписью "За отменную храбрость при взятии Измаила".

Завершающий шестую русско-турецкую войну 1791 год был ознаменован новой громкой победой русского оружия. В июне под городом Мачином 30-тысячная русская армия под командованием генерала-фельдмаршала Н.Репнина разгромила 80-тысячное турецкое войско, на этот раз имевшее как никогда твердое намерение "сбросить русских в Дунай". Эффектные победы над численно превосходящим и вполне адекватно вооруженным противником стали, казалось бы, счастливым знаменем для русских во всех войнах с Турцией второй половины XVIII века. Последним аккордом кампании стала крупнейшая после Чесмы морская победа, одержанная контр-адмиралом Ф.Ушаковым. Русская эскадра в составе 16 линейных кораблей и 2 фрегатов возле мыса Калиакрия на черноморском побережье Болгарии атаковала турецкую эскадру в составе 18 линейных кораблей и 17 фрегатов. Располагая абсолютным количественным и огневым превосходством (1800 корабельных стволов против 998 у русских), а также и поддержкой береговых батарей, неприятель, казалось бы, не имел оснований волноваться за исход сражения. Однако русский контр-адмирал пошел на нетрадиционный маневр, решительно направив корабли в прибрежную зону, где обстрел с берега оказывался затрудненным из-за опасения повредить собственным силам, и собственным метким артиллерийским огнем заставил турецкую эскадру в спешке начать отход в направлении Босфора. После чего, резонно опасаясь появления русского флота у Константинополя, султан Селим III запросил мира.

Ясский мир

Заключенный 29 декабря 1791 года Ясский мир не был осложнен ставшим традиционным для русско-турецких отношений вмешательством европейских держав, отвлеченных на тот момент событиями Французской революции. Турция признала присоединение Крыма к России и уступила свои земли между Днестром и Бугом, на которых вскоре была заложена Одесса. Юридическое признание ликвидации Крымского ханства означало и признание вхождения в состав России недавней “кубанской колонии” последнего – земель по правому берегу реки Кубань. Земли на левом, южном берегу сохранялись за Турцией, однако, в соответствии с п.6 Ясского договора, последняя обязывалась “употребить всю власть и способы к обузданию и воздержанию народов на левом берегу реки Кубани, обитающих при границах ее, дабы они на пределы Всероссийской Империи набегов не чинили” . Россия согласилась вернуть Турции Анапскую крепость, однако приступила к активному строительству укреплений и крепостей на правом кубанском берегу. На прикубанские земли ногайцев переселяются казаки Черноморского войска, а 1793 году основывается новый административный центр “таманского края” – город Екатеринодар, нынешний Краснодар.

Золото Царьграда против золота торговли и ремесел

Итак, еще одно сверхнапряжение сил, усиленное дерзостью полководческого замысла и помноженное на удачу, – и России поддается очередной рубеж. Вековая мечта о закреплении в Причерноморье впервые со времен Киевской Руси становится реальностью. Правда, остается еще одна цель – дойти до Константинополя, к вратам которого в 907 году в знак победы над Византией прибил свой щит первый киевский князь Олег Вещий. Но после того как русский десант в 1773 году побывал в Бейруте, что лишь в сотне верст от самого Иерусалима, овладение Царьградом более не кажется недостижимым.

Данный идеал, практический смысл и пользу которого никто и никогда не пытался объективно и внятно изложить, продолжал оставаться “мотором” очередного русского натиска на Восток. Точнее – на османский Восток, который, несмотря на колоссальные усилия и жертвы, устойчиво пребывал в фокусе внимания, чего нельзя было сказать о “востоке зауральском”. Идеал борьбы за обладание столицей Второго Рима для большей части правящей

элиты, армии и тяглого населения был куда понятнее, чем смысл обретения “вольных земель” за Уральским хребтом. И это при том, что если освоение Сибири на уровне властей и торгово-промышленных кругов того времени имело вполне внятный экономический подтекст, то экономический смысл движения в причерноморские и заднепровские земли обозначался не более чем номинально. Во-первых, эти районы были изначально достаточно плотно заселены, что ограничивало возможности их колонизации, во-вторых, в стремительно расширяющейся России уже переставало хватать “свободных людей” для обживания новых территорий. Почти все крестьяне европейской России к тому времени полностью закрепощены за частными владельцами, число государственных крестьян относительно невелико, а обладающее известными вольностями население Русского Севера и Сибири отнюдь не спешит на освоение новых южных рубежей. Отвоеванные у Турции территории приходится активно заселять наиболее мобильными на тот момент этническими группами – казаками и немцами, – оказывая переселенцам существенную поддержку и освобождая от податей. Более или менее реальная экономическая отдача от новых земель придет весьма и весьма нескоро, лишь во второй половине XIX века, однако это никого не смущает. Продвижение Российской империи на османский Восток, мотивируемое высшими акматическими устремлениями, можно замедлить, но нельзя остановить.

При этом болезненная неудовлетворенность постоянной недостижимостью конечной цели данного направления экспансии – сакрального Константинополя – весьма быстро превратится в фундаментальный фактор, разрушающий органичность самоощущения русского человека и замещающий более чем созревшие мотивации к обустройству дальнейшими эманациями воли и продолжением борьбы. Порождаемые при этом архетипические фобии будут неоднократно толкать страну к ошибочным решениям и шагам в сфере европейской политики, которые России придется оплачивать чрезмерным расходом сил, ресурсов и дальнейшим усилением трагического несоответствия реальности и идеала. Перенесение центра общественного интереса с недостижимого Царьграда на Дальний Восток, которое обозначится с середины XIX века и окончательно состоится в 1890-х годах, окажется для России лучшим лекарством от неполноценности, сформирует новый энергетический потенциал, вдохнет жизненные силы. Горько сознавать, но именно внезапное возвращение русской политики в “круг Царьграда” в 1912–1914 гг. станет прологом

скорой катастрофы, которая уничтожит великую страну. А в итоге так и не преодоленное, достигшее в наши дни гипертрофированных масштабов чувство национальной неполноценности перед “состоявшимся Западом” будет продолжать блокировать все попытки стать самими собой.

Дай Бог ошибиться в категоричности этой оценки!

**Две стороны
Великой Цели:
военные удачи
и гражданское
рабство**

Ну а пока Османская империя, несмотря на свои колоссальные людские и материальные ресурсы и военно-техническую и кредитную поддержку со стороны крупнейших стран Европы, терпит от России поражение за поражением. Любая, даже малейшая ее попытка овладеть инициативой быстро и эффективно блокируется русской армией – уступающей в численности, не имеющей решающих преимуществ в вооружении и несравненно более оторванной от стационарных тыловых районов. Обе армии стараются, по возможности, уклоняться от крупных генеральных сражений, предпочитая скрытые маневры и неожиданные удары. Боевые потери относительно невелики, и даже с учетом гибели солдат и офицеров от недоедания и болезней (до 80% всех потерь), они не идут ни в какое сравнение ни с потерями в великих грандиозных битвах близящегося XIX века, ни с мясорубкой европейских войн XVII – XVIII веков. Хотя для комплектуемой на основе рекрутского набора русской армии потерю за две войны более чем 300 тысяч человек (из них 200 тысяч – в последнюю войну 1787–1791 гг.) необходимо признать более чем болезненной и заметной. Русские войска, не имея надежных карт, месяцами маневрируют в незнакомых степях с отнюдь не дружественным окружением. Несмотря на мужество и полководческий талант командиров второго уровня, часто решения и действия высшего командования оказываются непродуманными, стратегически ошибочными и, казалось бы, обрекающими армию на неуспех. И тем не менее практически в каждой вылазке, в каждой стычке, в каждом “деле” русским удается брать верх.

Поразительно, но пройдет всего лишь 114 лет, и в сражениях русско-японской войны ситуация повторится с точностью до наоборот. Вновь русской армии, оказавшейся, как когда-то в выжженных бессарабских степях, среди мрачных скал Ляодунского полуострова и южноманьчжурских сопок, придется вступить в

борьбу за чужие земли. Только теперь, несмотря на превосходство в вооружениях и исходных стратегических позициях, несмотря пусть на низкоинициативное, но в целом грамотное командование, несмотря на все тот же высокий героизм солдат и офицеров, роль терпящих поражение за поражением сполна придется сыграть потомкам Румянцева, Суворова и Репнина.

В чем же был секрет тех беспримерных, не имеющих, казалось бы, объективной основы, успехов русского оружия в войнах второй половины XVIII века? В “блистательный век Екатерины” подобными вопросами не задавались, поскольку было ясно и так: армия крупнейшего и сильнейшего в мире государства просто не может не побеждать, любые неуспехи здесь случайны, а победы закономерны. С позиций сегодняшнего дня мы имеем возможность объяснить причины беспрецедентных военно-политических успехов России того времени, прежде всего, сочетанием адекватного уровня экономического развития и финансовых возможностей страны⁵⁴ с максимальным возвышением акматического потенциала тогдашнего русского социума. Того самого акматического потенциала, под чьим влиянием в XVI веке началось стремительное расширение России на Восток и который, по естественному ходу событий, в XVIII веке должен был начать трансформироваться в установки нового рода, ориентирующие человеческую деятельность к решению более земных задач, на современном языке именуемых задачами экономического и гражданского развития. Однако естественной смены общественных идеалов и модели развития, которая оставалась реальной до самого конца XVIII века, не произошло.

После Петра I, добившегося модернизации внешних, надстроечных и имиджевых элементов русского общества, сумевшего обеспечить количественный рост экономики, после того как Россия, внезапно обретя себя в большой европейской политике, стала для многих ценным союзником, растущие аппетиты которого можно и необходимо кредитовать, после того как подавляющая часть основного, крестьянского, населения страны лишилась последних человеческих прав вместе со всякой надеждой своим трудом изменить жизнь к лучшему, – стало абсолютно необходимым провозгласить и поддерживать Великую Цель. По старорежимной

---

⁵⁴При необходимости подкрепляемых зарубежными займами (так, первый зарубежный займ Россией был получен Екатериной II в 1769 году путем размещения в Голландии облигаций на 500 тыс. гульденов, к концу царствования императрицы долг Голландии уже составлял 62 млн. гульденов; в начале XIX века крупные кредиты были получены Россией от Великобритании, союзницы по борьбе с Наполеоном). Кроме того, с 1810 года в России стали практиковаться внутренние облигационные займы.

привычке чуть было не оговорился: “стало необходимым для правящих классов” – однако в Великой Цели были заинтересованы *практически все* социальные слои и группы тогдашнего русского общества! Для одних она служила апологией, для других – способом и формой выживания. Будучи этой Великой Целью объединенным, в отсутствие экономических и политических основ для альтернативного целеполагания, общество должно было сохранять устойчивость и управляемость⁵⁵.

Тратить время в поисках Великой Цели не пришлось, оказалось достаточным обратиться к старому идеалу землеискательства. Зачем расходовать силы на достижение обустройства и достатка на далеких сибирских землях, если в сутках морского перехода находится Константинополь, а чуть дальше – земли братских по вере греков и южных славян? Новым идеалом землеискательства становится всеправославная империя. В чем будет состоять экономическая и политическая основа этого сверхгосударства, никто не пытался ни понять, ни объяснить, данный идеал принимался абсолютно некритично, на его утверждение работали и акматические установки недавнего прошлого, и мощнейшие архетипы, соединившие в себе мессианство восточных славян с подавленной

---

⁵⁵Екатерина II, будучи личностью недюжинного кругозора и ума, ведя активную переписку с Вольтером, читая Руссо, Дидро и д'Аламбера, регулярно задумывалась над альтернативными существующим формами устройства общества. Скорее всего, она достаточно ясно понимала, что у современного ей типа экономики, преимущественно основанного на эксплуатации лишенных земли и гражданских прав крепостных крестьян, существует вполне эффективная альтернатива. Для этого в обществе должны были появиться наделенные собственностью граждане. Однако боясь резких перемен, императрица планирует, как она любила выражаться, “почти нечувствительно вводить новых граждан”. Поскольку освобождать существующих крестьян нельзя – иначе не миновать раскола с всегда поддерживающим ее дворянско-офицерским сословием, – она теоретизирует о возможности предоставления свободы крестьянским детям, что, по ее мысли, спустя несколько поколений должно извести в России рабство, а также осуществляет в 1764 году секуляризацию церковных земель вместе с крепостными, переводя последних из церковных крепостных в “более гражданское” сословие государственных крестьян. Однако логика выживания быстро исправляет “новый курс”. Проект манифеста об освобождении крестьянских детей заброшен еще в черновиках, а из 910 тысяч освобожденных из церковной крепости крестьян в последующем около 800 тысяч будут возвращены в рабство – подарены фаворитам и отличившимся в сражениях военачальникам.

С другой стороны, о свободе для крестьян не помышляет и наиболее серьезный из “оппонентов” императрицы, предводитель крупнейшего в истории страны крестьянского восстания Е.Пугачев. В своем манифесте 1774 года вольный говорить все, что душе угодно, “крестьянский царь” провозглашает, что “отныне крестьяне становятся верными и верноподданными холопами нашего /т.е. его, Пугачева/ престола” [48].

Воистину, никто не хочет перемен!

мощью и стремлением к экспансии, привнесенными с монгольской кровью.

В результате еще долгие и долгие годы национальное величие России будет отождествляться исключительно с идеей единой державы, всеподавляющей военной мощью и доминированием над достижимой ойкуменой (“Отсель *грозить* мы будем шведу...”). Именно эту идею мы до сих пор ошибочно отождествляем с “имперскостью” – хотя настоящая имперскость не обязана иметь ничего общего с народным бесправием и государственным произволом.

Результатом правления Екатерины II – для своего времени, возможно, наиболее образованной и просвещенной из всех европейских монархов – станет законодательное оформление крепостничества, которое мало чем будет отличаться от рабства. Крепостным станет невозможно даже жаловаться на помещиков⁵⁶, в то время как последним будет предоставлено право ссылать провинившихся “мужичков” на каторжные работы и поселения⁵⁷. А в очередной раз расширившая свои пределы Россия, за малыми исключениями (о них в следующей главе), будет представлять собой гигантское необустроенное пространство, не защищающее, но подавляющее собой человека. Именно о таком А. Радищев написал: “Я взглянул окрест меня, – душа моя страданиями человеческими уязвлена стала” [49].

**Всему свое время:
начало кризиса
акматического
идеала**

В отличие от XVI–XVII веков, когда акматический идеал землеискательства оказался поистине спасительным даром для запертого на бесплодных суглинках Среднерусской равнины народа, акматический идеал петровско-екатерининской эпохи был создан и возвышен искусственно, во имя не сколько развития, сколько

---

⁵⁶В то время как нормы Соборного уложения 1649 года предписывали, наоборот, казнить помещика, до смерти забившего своего крепостного.

⁵⁷Справедливости ради отметим, что “просвещенный” XVIII век был “веком рабов” не только в России. Именно на XVIII век пришелся расцвет трансатлантической работорговли, осуществлявшейся, в основном, на судах под английским флагом. По разным оценкам, руками европейцев в рабство было обращено от 7 до 28 млн. африканцев [50]. Не менее масштабной была работорговля, которую вели арабские и персидские купцы в бассейне Индийского океана. При этом большая часть невольников, доставляемых в Северную Африку и на Аравийский полуостров, эксплуатировалась в качестве “живого актива” без права заводить детей – на нынешнем арабском Востоке практически нет мулатов.

сохранения архаичных основ общества в условиях их неуклонно снижающейся эффективности. Однако победы над практически равным по силам противником, единственным недостатком которого было отсутствие у него подобного идейного “маяка”, создавали иллюзию верности сделанного выбора. Тем не менее пройдет совсем немного времени, идеал истреплется, поблекнет и уже не сможет обеспечивать ни воли к победам, ни к жизни, достойной граждан великой страны⁵⁸. Реакция затронет все сословия: базирующаяся преимущественно на сельском хозяйстве экономика страны начнет загнивать, поскольку интерес крестьян трудиться исключительно ради выживания, за необходимый продукт, будет не в состоянии обеспечить ни малейшего хозяйственного прогресса, а высшее общество окажется пораженным пессимизмом и безразличием. Свойственные этому состоянию психологический настрой весьма точно выразил Л.Толстой в известном эпизоде с Андреем Болконским: “ Пускай другие, молодые, вновь поддаются на этот обман, а мы знаем жизнь, – наша жизнь кончена!” Целый новый ряд мыслей безнадежных, но грустно-приятных... возник в душе князя Андрея... Он как будто вновь обдумал всю свою жизнь, и пришел к тому же прежнему успокоительному и безнадежному заключению, что ему начинать ничего было не надо, что он должен доживать свою жизнь, не делая зла, не тревожась и ничего не желая”.

Несколько раз старый акматический идеал удавалось воскрешать, наполняя содержанием новой живой реальности. Делать это было довольно несложно, поскольку в архетипе русского общества в условиях статичной жизни устойчиво преобладали мало трансформировавшиеся с седых времен образы, комплексы и фобии.

---

⁵⁸Граждане, т.е. лично свободные, наделенные неотчуждаемой собственностью члены общества, – начали исчезать с русского правового поля при Иване Грозном, при этом первыми, у кого личная свобода была заменена обязательной и не предусматривающей никаких личных гарантий государственной службой, стали дворяне и выжившие после опричнины бояре. Основная масса крестьян (не считая обитателей Севера и Сибири) лишилась гражданских прав в 1649 году, с принятием Соборного уложения царя Алексея Михайловича. Совершенно объективно, безо всякой иронии А.Герцен замечал, что первой и единственной свободной личностью (т.е. гражданином) в России являлся император Петр I.

Восстановление гражданских свобод с юридическим закреплением личных и имущественных прав их носителей началось, как ни странно, опять же с крестьян. Екатерининский манифест 1775 года позволял отпущенным на волю крестьянам оставаться свободными и записываться в мещанство или купечество. Процесс продолжили изданные в 1785 г. знаменитые “Жалованная грамота дворянству” и “Жалованная грамота городам” (последняя относилась к купцам и мещанам). Однако основная масса крестьянского сословия – 22 миллиона душ – обрела гражданские права лишь после реформы 1861 года.

В парах с явленными акматическими представлениями они образовывали психофизический аналог заряда, который мы условились именовать *facultas effectus* (фактором действия) и который, будучи приложенным к объективной разности провозглашаемых целей с координатами реального бытия, являлся источником столь часто удивлявшей мир энергии русского солдата, сумевшего пройти большую часть Европы и добрую половину Азии.

Всякий раз воскрешение акматического идеала экспансии происходило в момент начала нацеленных на экспансию военных кампаний, в частности, последней из русско-турецких войн 1877-1878 гг. или войны 1914 года. А вот для Отечественной войны 1812 года или для покорения Кавказа были характерны уже другие ментальные установки, в куда большей степени ориентированные на защиту Отечества и его естественных рубежей. Однако для более глубокой реализации последних, полноценного развития на их основе адекватного общественного и хозяйственного устройства уже не было времени. Старый акматический идеал также никуда не исчезал. Питаемый с глубин народного подсознания, он продолжал жить, чтобы однажды, в 1917 году, оказаться единственно годным средством для сохранения территориальной целостности страны, сделавшись духовным стержнем новой идеологии – большевизма. Как абсолютно точно отмечал Н.Бердяев, “большевизм оказался наименее утопическим и наиболее реалистическим... наиболее верным некоторым исконным русским традициям, и русским исканиям универсальной социальной правды, понятой максималистически, и русским методам управления и властвования насилием. Это было определено всем ходом русской истории...” [51]. Новый акматический идеал социалистической России XX века, явившийся, в своей сущности, ремейком великого мифа прошлого, не смог создать под собой принципиально новой реальности: обладая ядерным оружием и лидируя в космической гонке, Россия продолжала “выжимать” последние возможности из давно отжившей системы отношений, основанной на внеэкономическом принуждении. Перелистывая “Хождение по мукам” А.Н.Толстого, нельзя не обратить внимание в этой связи на диалог Телегина с высокопоставленным красным командиром Сапожковым, происходящий в самый разгар гражданской войны: “Скучно, братишка... Буржуазный мир подл и скучен до адской изжоги... А победим мы, – коммунистический мир будет тоже скучен и сер, добродетелен и скучен...” [52].